

Я, как Ванька-встанька, всегда жив,

говорит о себе великий пианист Владимир Крайнев

ЭКСКЛЮЗИВ

Среди знаменитых музыкантов он едва ли не единственный признанный и обласканный при жизни. Смотрите сами: он лауреат многих советских премий, народный артист СССР, обладатель первых премий международных конкурсов в Англии и Лиссабоне, конкурса имени Чайковского. Ныне пожизненный профессор фортепианной кафедры одной из крупнейших в Европе Высшей школы музыки и театра в Ганновере (Германия)

— Говорят, что в немецкой школе благодаря вашим стараниям уже учатся около 70 процентов одаренных детей из России и стран СНГ. Недавно победители третьего тура конкурса вашего имени с успехом выступали в Большом зале консерватории. Как возникла идея создания фонда Владимира Крайнева?

— В 1991 году раздался звонок из Харькова. Центральная музыкальная школа просила меня возглавить конкурс юных пианистов и просила разрешения назвать его моим именем. Я всячески отнекивался, говоря, что имена конкурсам обычно присуждают посмертно, а я-то еще жив. Но они меня убедили, приведя в пример конкурсы имени Клиберна, Менухина, Рубинштейна, которые были учреждены при жизни этих людей. Пожалуй, решающим в наших переговорах была мысль, что в связи с полным развалом всего вокруг нужно попытаться сохранить тот золотой фонд, замечательное музыкальное образование, которое было заложено еще советской властью. Так я согласился.

Талантливые дети как бы заносятся в компьютер, и когда где-то в Швейцарии, Франции, Италии или Токио появляется возможность выступить на сцене нашим юным пианистам, скрипачам, духовикам, всегда есть кандидатура. Спонсоров для таких поездок также удается как-то раздобыть и мне, и Владимиру Спивакову, и Косте Орбеляну и другим. У нас с женой, Татьяной

Тарасовой, нет своих детей, и может быть, эта невостребованность вылилась у нас в учительство, которое стало для нас семейным.

— В России появилось много различных фондов для одаренных детей. Чем ваш фонд отличается от фонда В. Спивакова «Новые имена» и других?

— Отличие есть — в узкой специализации. Я знаю себе цену, и люди знают мою цену. Я мог бы организовать фонд помощи всем музыкантам, но помогаю именно юным пианистам — это моя профессия. Я не пошел в дирижеры, в общественные деятели, а остался профессором в Московской консерватории, в Ганновере и концертирующим пианистом. Я профессионально до мозга костей и то, что знаю, хочу передать детям. Неинтересно, знаете ли, растрачиваться. Если попытаться помочь всем пианистам экс-СССР, то никому помочь не удастся. Ведь пока многое, что сделано конкурсами и фондом, — это на мои средства. Если бы на сегодня я оставался только профессором Московской консерватории, то моей зарплаты хватило бы лишь на постройку сортира на «Соколе». А работая за рубежом, я имею несколько иные материальные возможности...

— Что вас больше всего тревожит в жизни?

— Жизнь моего поколения проходила под лозунгом войны: сначала подготовка к войне, потом война, потом готовиться к следующей войне — холодной, неизвестно какой. В сознание

упорно вбивалась мысль, что все хотят нас завоевать...

Слава Богу, сегодня уже никто не говорит, что завтра на нас кто-то нападет.

Я дитя и плод войны. Мои мама и папа — врачи, с первого дня пошли на фронт, там же и встретились, а потом в 1944 году родился я. Мама была на самых передовых участках: 1-й Белорусский, 3-й Украинский, 1-й Ударный фронты. Всех ее фронтовых подруг и друзей я хорошо знаю. Они приходили на мои концерты, следили за творческим путем. Мошка Мосина, Шурка Шанина, как называла их мама, заходили за кулисы солидные пожилые тети, и мне всегда было с ними удивительно приятно. Спасибо всем павшим за радость детей, их улыбки, их солнечный талант, их ощущение счастья. Лучший памятник всем убиенным на войне — «незащипана душа», как говорят на Украине. То есть чистая детская душа, не знающая Бабьего Яра, гетто, других ужасов.

— У вас была дружная семья?

— Моя мама Рахиль Моисеевна из богатой харьковской интеллигентной еврейской семьи. В то время Харьков был столицей Украины. До революции она жила в достатке, бабушкин папа даже купил в 1914 году четыре дома в Иерусалиме. Они и теперь стоят под нашей фамилией, но документов не сохранилось, и эти дома лишь семейное предание. После революции все стали бедными. Мой дядя был начальником КГБ Украины. Евреи ведь были чекисты, бандиты... Не пу-

гайтесь, это у меня такое чувство юмора. Я того же дядю даже в 1960 году в шутку называл «убийцей». Время повторяется. Сегодня мы имеем тот же разгул беспредела, что и во времена гражданской войны, только, может быть, менее кровавого...

А вообще-то я, как всякий художественно воспитанный человек, очень люблю красивое. Меня совершенно не огорчает отсутствие каких-либо особых удобств, я неприязнителен в жизни. Везде ощущаю себя абсолютно интернациональным. Могу спокойно осесть в Лондоне, жить в Вене, Германии. Везде ощущаю себя Крайневым, не евреем, не немцем, не украинцем, я, как Ванька-встанька, всегда жив!

— Что заставило вас уехать из России?

— В 1991 году в Москве было страшное время. На двери подъезда писали «вон жидов», дверь маминой квартиры разрезали крест-накрест и пометили «берегись». Даже отец моей жены, сам Анатолий Владимирович Тарасов — упокой его душу с миром! — гений хоккея, ортодоксальный коммунист, тогда посоветовал: «Надо ехать!» Я никогда не собирался и не хотел никуда уезжать, но когда обстоятельства сложились так, как они сложились, я не уезжал — я бежал... В Ганновере мне предложили пожизненную должность профессора в музыкальной консерватории. Там есть квартира, большая зарплата, возможность гастролировать по всему миру, но живу я все же здесь. Мой

менталитет, все ощущения русские. Физические перемещения тела не затрагивают душу.

— Часто говорят, что наше с вами поколение творческих людей оказалось несостоявшимся. Как вы оцениваете эту мысль?

— Я, к сожалению, согласен. Военное и послевоенное поколение творческих людей за очень редким исключением не состоялось. Либо мы уехали и ничего не сделали там, ничего не успели сделать, потому что было слишком поздно. Либо, как я, разменивались туда-сюда, и нигде толком. Это поколение я считаю погубленным. Причем не нами, а всей системой, всей жизненной ситуацией. Только начиная отсчет с теперешних 22-летних, можно рассчитывать, что из них что-то получится. Они могут выехать на Запад и там нормально работать. Творческим людям необходима миграция. Я за то, чтобы люди творчества становились интернационалистами, но не космополитами — тут громадная разница. И не нужно бояться. Россия — все равно Мекка. Что бы ни говорили о нашей стране — как мы разваливаемся, разрушаемся, — все равно конкурс имени Чайковского — это конкурс номер один в мире. Ростропович, Третьяков, Венгеров — это все имена русской школы. Каждая волна русской эмиграции необыкновенно обогащала мир. Но куда бы мы все ни разъехались, где бы ни находили пристанища — мы остаемся русскими.

Беседовала Татьяна ЮРИНА